

УДК 72.03

Бодэ А.Б. – кандидат архитектуры, доцент

E-mail: bode-niitag@yandex.ru

Московский государственный строительный университет

**СЕВЕРОРУССКИЕ ДЕРЕВЯННЫЕ ЦЕРКВИ С КУБОВАТЫМИ ПОКРЫТИЯМИ.
АРХИТЕКТУРА, АРЕАЛЫ, ПРОИСХОЖДЕНИЕ**

АННОТАЦИЯ

В архитектуре деревянных храмов выявляются отголоски древних новгородских и московских традиций, проводится картографическое ареалирование архитектурных решений, развивавшихся на различных территориях Русского Севера. К отголоскам московских традиций относятся: покрытия бочкой, крещатые бочки и другие. Будучи привнесены на Север, эти формы нашли наибольшее укоренение по направлениям основных торговых путей – Онеги и Северной Двины, связывавших центр страны с северными окраинами. Бочка послужила основой для развития самых разнообразных решений. Одним из них были кубоватые покрытия церквей. Этот прием был распространен в бассейне реки Онеги. В статье проанализированы различные архитектурные решения кубоватых завершений, их эволюция, возможные варианты происхождения, рассмотрены взаимосвязи с архитектурой каменных церквей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русское деревянное зодчество, местные традиции, кубоватые завершения церквей, эволюция.

Bode A.B. – candidate of architecture, associate professor

Moscow State University of Civil Engineering

**NORTH RUSSIAN WOODEN CHURCHES WITH CUBE ROOFING.
ARCHITECTURE, AREALS, ORIGIN**

ABSTRACT

The reverberation of Moscow and Novgorod ancient traditions are found in the architecture of wooden temples, local architecture traditions, developed in various areas of the Russian North, are investigated in the work. The features of Moscow traditions include barrel shapes roofing, cross-squared barrels roofing and others, which are often found along the main trade routes of Onega and Northern Dvina Rivers, which link the center of the country with its suburbs in the North. A barrel shape was the basis for a further variety of solutions in architecture. One of them was cube roofing of churches. Area of distribution of this form was Onega region. This article contains the analysis of different architectural solutions of cube roofing, the information about evolution, variants of possible origin, interconnection of wooden elements with architecture of stone churches.

KEYWORDS: Russian wooden architecture, local traditions, cube roofing of churches, evolution.

Деревянное культовое зодчество Русского Севера отличается особым многообразием приемов и форм. Особенно это относится к верхним частям зданий. Местные традиции локализовались обычно в пределах единой водной системы. Одной из таких особенностей были так называемые кубоватые завершения церквей, получившие распространение в XVII-XVIII вв. в бассейне реки Онеги и в части Поморья, прилегающей к устью реки. В статье рассматриваются архитектурные решения кубоватых церквей, анализируются различия, высказываются предположения относительно происхождения формы куба.

Статья отражает результаты исследования, нацеленного на выявление отголосков древних новгородских и московских традиций в деревянном культовом зодчестве. Вопрос о возможности выявления в деревянном зодчестве Севера древних традиций, связанных с основными направлениями освоения и заселения региона, долгое время оставался вне сферы внимания исследователей. На некоторых тенденциях формообразования, связанных с восточными (новгородскими) и западными (московскими) влияниями, заострял внимание

В.П. Орфинский [1, с. 398]. Таким образом, отдельные направления изучения древних архитектурных традиций, связанных с основными потоками освоения региона, оказались намеченными, но в целом тема не изучена.

Исследование, предпринятое автором, базируется на предположении о том, что в архитектуре деревянных храмов Новгородской земли и Московского княжества существовали свои характерные особенности по аналогии с каменной архитектурой периода раздробленности, которая свидетельствует о существовании школ со своими ярко выраженными традициями. Эти особенности оставили свой след в развитии деревянного зодчества Русского Севера и, в силу консервативности народной культуры, продолжали в различных формах существовать и в XVII-XVIII вв. Методика изучения местных особенностей в деревянном культовом зодчестве Севера с целью выявления отголосков древних традиций строится на сопоставлении данных картографического ареализации исследуемых признаков и сравнительно-типологического анализа. Критериями для определения архитектурных решений, которые могут быть отнесены к отголоскам древних новгородских и московских традиций, являются, во-первых, их ареалы распространения, во-вторых, аналогии с решениями, использовавшимися в каменном зодчестве. Одно подкрепляет другое. Выявленные признаки деревянных культовых построек рассматриваются в контексте общих формообразующих тенденций.

Кубоватым или кубастым обычно называют квадратное в плане покрытие, образуемое пересечением двух бочек и имеющее одинаковый для всех фасадов здания силуэт, напоминающий крупную луковичную главу. Этим же термином иногда называют не только квадратные в плане, но и близкие им по очертаниям восьмигранные покрытия. На самом деле, кубоватые завершения и аналогичные им по силуэту восьмигранные являются различными архитектурными формами. Первое и самое существенное различие между ними – это форма плана, второе – завершение главами. Пятиглавие типично для кубоватых покрытий, восьмигранные покрытия венчались одной главой. Причем восьмигранные луковицеобразные покрытия так и не получили определенного названия. Их называют «баня» (термин, взятый из украинского зодчества), «пучина», «купольный шатер» и т. д.

Наиболее четко определял кубоватые покрытия как четырехгранные формы М.В. Красовский [2, с. 282]. И.Э. Грабарь, А.В. Ополовников, Ю.С. Ушаков допускали несколько вольное отношение к определениям. Учитывая отмеченную разницу между близкими по очертаниям, но квадратными и восьмигранными в плане формами, но главное – их различные ареалы, и во избежание терминологической путаницы кубоватыми мы называем только четырехгранные завершения.

Кубами покрывались храмы, имевшие разные решения основного сруба: четвериковые и с крещатым основанием, над которым возвышался четверик. Таким образом, кубоватые покрытия всегда располагались над четвериками. Иногда кубы использовались как покрытия приделов, но никогда – в качестве покрытий каких-либо иных частей здания. Название покрытия распространилось и на обозначение типа храмов – кубоватые церкви. Хотя это название условное, основанное только на характере покрытия.

Самой ранней известной кубоватой постройкой считается Пятницкая церковь 1666 г. в селе Шуерецкое. Она отличалась от других кубоватых церквей по масштабу, пропорциям, завершению. Ее куб был сильно вытянут вверх и завершался единственной главой. По ребрам куба были поставлены декоративные кокошники. Согласно историческим источникам, выявленным Е.Б. Заручевской, Пятницкая церковь вместе с рядом стоявшей Никольской в середине XVIII в. были перестроены. Возможно, Пятницкая церковь первоначально имела иное покрытие [3, с. 158].

Кроме того, следующая кубоватая церковь – Вознесенская 1669 г. в селе Кушерека представляет собой полностью сформировавшийся тип четверикового храма с кубоватым верхом, имеющий среди более поздних построек немало аналогов. Между архитектурным решением церквей в Шуерецком и Кушереке слишком большая разница при столь малом временном промежутке, чтобы видеть в них последовательные звенья эволюционной цепи. Венчающий Вознесенскую церковь куб по ширине чуть превышает четверик. Замечательно декоративное убранство верха – в основании центральной главы расположены четыре крупных и объемных кокошника.

Сретенская церковь 1677 г. в селе Чекуево известна по единственной фотографии, сделанной В.В. Суловым в 1886 г. [4, с. 117]. Церковь была утрачена еще в конце XIX в. По архитектурному решению основного объема и пропорциональному строю она очень близка к церкви в Кушереке.

Одним из немногих кубоватых храмов, сохранившихся до наших дней, является Никольская церковь 1678 г. в селе Бережная Дуброва (рис. 1). Древнейшую часть здания составляет массивный четверик и почти равный ему по ширине двухчастный алтарь, покрытый бочкой очень больших размеров. Завершение четверика представляет собой уникальный и наиболее сложный пример архитектурного решения. По рёбрам куба традиционно размещены боковые главы. В верхнюю половину куба врезана крещатая бочка, на коньках которой поставлены ещё четыре главы меньшего размера.

Кубоватая Климентовская церковь 1685 г. в селе Пияла входила в состав храмового комплекса [5, с. 7]. К основному четверику храма примыкали прямоугольный алтарь и трапезная, представлявшая собой самостоятельный сруб. Четверик церкви завершался кубом, отличавшимся очень большими размерами.

Преображенская церковь 1687 г. в селе Чекуево отличалась тем, что основу здания составлял крещатый сруб, несущий четверик с кубоватым верхом [5, с. 46]. Восточная алтарная часть основания была пятигранной. Каждая ветвь крещатого сруба была покрыта двумя поставленными одна на другую бочками, нижние из которых несли главы.

Климентовская церковь 1695 г. погоста Усть-Кожа по пропорциям напоминает Вознесенскую церковь в Кушереке и Сретenskую в Чекуево [5, с. 148, 149]. Стройный четверик с выразительным повалом также завершается крупным кубом с компактным пятиглавием, декорированным кокошниками.

Петропавловская церковь в селе Вирма определенной датировки не имеет. По мнению разных исследователей, она относится к концу XVII в. или к середине XVIII в. [6, с. 255]. Особенности архитектурного решения памятника также не позволяют конкретизировать датировку. Основой здания является невысокий четверик, что не характерно для кубоватых церквей XVII в. Такие пропорции получили распространение в следующем столетии. Кубоватое покрытие, по ширине приближенное к основанию, в сочетании с крупными главами, напротив, свойственно постройкам последней трети XVII в.

Неопределенную датировку имеет также Тихвинская церковь в селе Верховье в районе нижней Онеги. Есть сведения о ее постройке в 1675 г. и перестройке в 1783 г. После очередной перестройки храм был вновь освящен в 1865 г. По архитектуре Тихвинская церковь в Верховье более всего близка постройкам второй половины XVIII в., хотя отдельные детали характерны для XVII и XIX-го вв.

В XVIII в. архитектурные решения кубоватых церквей меняются. Пропорции построек становятся более приземистыми: понижаются четверики и сами кубоватые покрытия относительно четвериков становятся меньше. Кроме того, распространяются храмы с приделами, что делало композицию всего здания более распластанной. Упрощается декор.

Характерным примером кубоватого храма XVIII в. является церковь Архангела Михаила в селе Архангело, построенная в 1715 г. (рис. 2). К основному массивному четверику примыкают два прируба. Первоначально здание имело галерею, следы от которой прочитываются на стенах. Кубоватое покрытие уменьшено относительно основания и завершено пятью некрупными главами.

Церковь Алексия Человека Божьего 1721 г. в деревне Куртяево выделяется среди других кубоватых церквей своим одноглавым завершением. В остальном она представляет собой привычную композицию: основной четверик с пятистенным алтарем и трапезной. Куртяево находится не в Поонежье, но тяготеет к западному берегу Двинской губы.

Троицкая церковь 1724 г. в селе Пабережское, известная по снимку А.А. Каретникова и кратко описанию, отличается более сложным решением и величиной [7, с. 108]. Церковь была двухэтажная, четырёхпрестольная. К основному высокому четверику прирублены два одинаковых пятигранных алтаря. Алтарные прирубы были перекрыты крупной растянутой по поперечной оси здания бочкой. Возможно, северный придел был позднейшей пристройкой, но сведениями об этом мы не располагаем. Четверик завершался вытянутым вверх кубом с пятью главами.

Троицкая церковь 1727 г. в селе Подпорожье иллюстрирует дальнейшее усложнение объемной композиции поонежских кубоватых храмов. К основному четверику, завершенному кубом с пятиглавием, позднее с северо-восточной стороны был пристроен Богоявленский придел [5, с. 147; 4, с. 113, 119]. Пониженный по сравнению с основным четверик придела был также покрыт кубом, но имевшим только одну главу. В основании всех глав, включая придел, располагались декоративные кокошники, ориентированные по сторонам куба. Это последняя известная кубоватая церковь, где были использованы кокошники в основании глав.

Вершиной развития кубоватых храмов, отличающихся структурой, усложненной приделами, являются Владимирская церковь 1757 г. в селе Подпорожье (рис. 3) и близкая ей по архитектуре Преображенская церковь 1786 г. в селе Турчасово. Владимирская церковь трёхпрестольная, южный придел Никольский, северный – Пятницкий. Композиция здания развита на основе крещатого плана. Северная, западная и южная ветви основания прямоугольны и покрыты бочками. Восточная часть образована тремя смежными одинаковыми пятистенными алтарными прирубями, объединёнными большой трёхлопастной бочкой. Над средней частью основания возвышается четверик, завершающийся кубом с пятью главами. Центральное пятиглавие и приподнятые на небольших шатрах боковые главы образуют очень выразительную пирамидальную девятиглавую структуру завершения. Церковь в Турчасово по общей объёмно-пространственной структуре близка к Владимирской. Куб Преображенской церкви в верхней части имеет волнообразные очертания граней и по силуэту несколько напоминает трёхлопастную бочку.

Группа кубоватых церквей, близких друг другу по времени строительства и архитектурному решению, находится на верхней Онеге недалеко от Каргополя. Среди них Богоявленская церковь 1757 г. Ольгинского прихода (фотография находится в архиве Каргопольского историко-архитектурного и художественного музея), Покровская церковь 1758 г. Ольховского погоста [8, с. 166], Ильинская церковь 1777 г. в селе Устьволокское [8, с. 170]. Эти постройки отличаются массивными основными четвериками, невысокими растянутыми по ширине кубами с пятиглавым верхом. Кубоватые одноглавые завершения были использованы в качестве покрытий соподчиненных объемов в архитектурном решении Благовещенской церкви 1795 г. в селе Турчасово.

Единственная постройка с кубоватым верхом, расположенная далеко от Онеги и даже не в бассейне Белого моря, – это Ильинская церковь 1798 г. Ильинско-Водлозёрского погоста. По архитектурному решению Ильинская церковь существенно отличается от поонежских кубоватых церквей второй половины XVIII в. Высокий четверик завершается небольшим кубом с одной главой. Четыре стройные боковые главки размещены не на ребрах куба, как обычно, а на полицах. В облике храма доминирует монументальный четверик, кубоватому покрытию отводится достаточно скромная композиционная роль. Водлозеро расположено между Онежским озером и Онегой, но исторически Водлозеро тесно связано с Поонежьем. Водлозёрская волость в XVI-XVII вв. входила в состав Каргопольского уезда.

Традиция возведения кубоватых церквей не угасает и в XIX в. В 1801 г. было завершено строительство Никольской церкви в селе Надпорожье. Это было очень крупное сооружение, по структуре напоминающее церкви в Подпорожье и Турчасове, но с некоторым упрощением форм. Никольская церковь в деревне Унежда, построенная в 1824-1826 гг., отличалась небольшими размерами и имела одноглавое невысокое покрытие. С более ранними кубоватыми завершениями его роднят выпуклые боковые части, придающие постройке силуэт, характерный для храмов Поонежья. К середине XIX в. относятся две схожие друг с другом церкви – Вознесенская в селе Вазенцы и Никольская в деревне Сырья. Основание их еще более занижено, кубоватое покрытие с единственной главой на постаменте по очертаниям приближено к форме купола. Богоявленская церковь в селе Поле, построенная в 1852-1857 гг., обладает также приземистым основанием, но ее кубоватое покрытие по величине и пластичным очертаниям повторяет лучшие образцы XVII в. Правда, завершался куб дощатым постаментом с главкой. Преображенская церковь 1878 г. в поморской деревне Нименьга имеет массивное основание с кубоватым покрытием, в очертаниях которого просматривается традиционная пластика, но вследствие своей величины куб чрезмерно растянут по ширине.

Основные различия в устройстве кубоватых завершений заключаются, во-первых, в пропорциях относительно четверикового основания, во-вторых, в самой форме куба, в-третьих, в сочетании куба с главами. Первый признак определяет композиционную значимость завершения в общем архитектурном облике здания. Второй признак позволяет проследить видоизменения традиционной формы куба. Третий признак, как правило, отличает постройки, расположенные внутри основной части ареала распространения, от тех, что находятся на его окраинах.

Локальное распространение этой традиции отчетливо видится уже на примерах наиболее ранних известных кубоватых церквей в последней трети XVII в. Расположенные в районе нижней Онеги храмы отличаются наиболее выразительными архитектурными решениями. Для них характерны высокие четверики, где высота превосходит длину стороны более, чем в полтора раза. Кубоватые завершения по ширине равны четверику или даже превышают его.

Очертания куба пластичные, напоминающие луковичные главы с подтянутой нижней частью. Завершаются кубы компактно стоящими пятью достаточно крупными главами. Все эти признаки определяют типичный для того времени облик кубоватого храма.

Ареал распространения кубоватых церквей в последней трети XVII в., кроме нижнего течения Онеги, где они были преобладающим типом храма, охватывает юго-западный (Поморский) берег Онежской губы. Уже в этот период заметны различия между архитектурными решениями церквей в основной части ареала и на его окраинах. Так, церковь в Бережной Дуброве находится ближе к верховьям Онеги и обладает наиболее сложной структурой верха. Церковь в Шуерецком, отстоявшая далеко на запад, напротив, имеет упрощенное решение. Местоположение и архитектура бережнодубровской церкви допускает, что кубоватые покрытия могли прийти на Онегу с юга, из центра страны. Архитектурное решение церкви в Шуерецком, по-видимому, является репликой величественных кубоватых церквей нижней Онеги.

В XVIII в. ареал распространения кубоватых церквей расширяется. Он охватывает все Поонежье вплоть до верховьев и даже немного выходит за пределы бассейна Онеги. В первой половине столетия архитектурно-художественные качества кубоватых церквей, по сравнению с XVII в., заметно снижаются. Постройки этого периода не обладают былой стройностью и изяществом. Особенно это заметно на примере кубоватых церквей верхней Онеги. Кубы формально повторяются в архитектурных решениях многих поонежских церквей, но их композиционной роли и декоративной обработке не придается столько значения, как в предшествующем столетии.

Вместе с тем, церкви с кубоватыми покрытиями, строившиеся в низовьях Онеги, обладают по-прежнему самыми выразительными решениями. Здесь постройки отличаются и наибольшим масштабом. Их кубоватые завершения, хотя по ширине уступают четвериковому основанию, сохраняют характерные для XVII в. очертания.

Решения кубоватых церквей, расположенных за пределами Поонежья, в XVIII в. отличаются от тех, что возводились по берегам Онеги. Например, церковь в Куртяево выделяется одноглавым завершением, не характерным для Поонежья. Церковь на Водлозере, как мы рассматривали выше, представляет собой вообще весьма необычный пример использования формы куба.

Не исключено, что и восьмигранные луковичеобразные завершения, характерные для среднего течения Двины и Поважья, являются переработкой формы куба применительно к распространенным там восьмигранным церковным срубам. Одним из ранних примеров устройства подобных завершений является Никольская церковь в селе Зачачье, перевезённая из Емецкого острога в 1687 г. Считается, что луковичеобразное завершение церковь получила после поражения молнией в 1748 г. [5, с. 154]. Однако по неопубликованному заключению Е.Б. Заручевской, основанному на архивных источниках, в середине XVIII в. верх церкви не перестраивался, следовательно, его форма существовала с 1687 г. Более того, Е.Б. Заручевская располагает сведениями о том, что после переноса храма из Емца он завершался пятью главами, которые в начале XVIII в. были удалены из-за протечек. Действительно, если главы, стоявшие на ребрах куба были защищены от стока атмосферных осадков за счет скатов, то на восьмигранном покрытии основания боковых глав оказывались подверженными непосредственному воздействию влаги. Все более поздние церкви с луковичеобразными завершениями имели только одну главу (Введенская церковь 1717 г. в селе Пингишское, Иоанна Златоуста 1733 г. в Березницком, Знаменская церковь 1762 г. в селе Кицкое, Власьевская 1795 г. в селе Тулгас и другие). Ареал их распространения включает часть бассейна Северной Двины, прилегающую к Поонежью. Кроме того, Зачачье находится близ устья реки Емцы, издревле связывавшей Поонежье и Северодвинское поречье. В XVI-XVII вв. почти весь район течения Емцы входил в территорию Каргопольского уезда. Вполне вероятно, что появление новой формы завершения в архитектуре северодвинских и поважских церквей произошло под влиянием поонежских традиций.

В XIX в., когда традиционные для деревянного зодчества приемы и формы уступают место решениям, пришедшим из профессиональной архитектуры, в храмовом строительстве нижней Онеги, как и раньше, сильны местные предпочтения. Конечно, кубоватые покрытия здесь трансформируются, меняются их пропорции, но устойчивое сохранение основных типологических характеристик этой древней формы налицо.

Это подтверждается и местными особенностями в архитектурных решениях колоколен. В XIX в. на ряде колоколен в районе нижней Онеги первоначальные шатровые покрытия были заменены куполами со шпилями. Так было с колокольней в Унежме в конце XIX в.,

зафиксированной на фотографиях до и после перестройки. Завершение колокольни в Подпорожье XVIII в. также было перестроено в середине XIX в. Некоторые поздние колокольни, например в Вазенцах, Ворзгорах, Кушереке, возводились с купольными покрытиями сразу. На большинстве колоколен в районе нижней Онеги основание купола немного заужено, так что самая широкая часть находилась выше (колокольни в деревнях Макарьинской, Малошуйке, в селах Верховье, Турчасово и другие). Эти формы по очертаниям похожи на покрытия поздних кубоватых церквей. Кроме того, верхняя часть куполов колоколен в Верховье и Вазенцах немного вытянута, что делает их еще более похожими на кубы. Причина широкого распространения куполов с видоизменёнными очертаниями в районе нижней Онеги, очевидно, заключается в их сходстве с кубоватыми покрытиями и бочками.

Таким образом, на протяжении всего известного периода строительства кубоватых церквей нижняя Онега остается центром распространения традиции. В этом районе сформировались и отличались особой устойчивостью приемы, типичные для устройства кубоватых покрытий. По мере удаления от нижней Онеги решения кубоватых церквей меняются, отступая от онежских образцов, причем везде по-разному.

Если распространение кубоватых церквей видится вполне отчетливо, то происхождение их несколько неопределенно. Как неоднократно отмечалось, появление кубоватых покрытий связано с заменой шатра на иные типы завершений в силу требований высшего духовенства. Действительно, форма куба позволяла сочетать сомкнутое покрытие с каноничным пятиглавием. Однако, массовое возведение церквей с шатровыми завершениями на Севере вплоть до конца XVIII в. не позволяет однозначно связывать появление кубоватых покрытий с церковными реформами, на что справедливо указывали многие исследователи деревянного зодчества.

На раннем этапе изучения народного зодчества имело место предположение, высказанное И.Э. Грабарем, об украинском происхождении куба [9, с. 402]. Влияния украинской архитектуры, безусловно, были. Расчлененные на ярусы объёмы и криволинейные формы завершений, свойственные зодчеству Украины, схожи с решениями, развивавшимися в русской архитектуре второй половины XVII в. Формы украинских церквей могли быть легко использованы в архитектурных решениях русских построек. Однако предположение об украинском влиянии на образование формы куба выглядит неправдоподобно. Сводчатые, по очертаниям близкие к кубоватым, завершения в деревянном зодчестве Украины, действительно, имели самое широкое распространение. Но это были преимущественно восьмигранные формы – так называемые «бани». Четырёхгранные покрытия в большинстве своём были прямоскатные в виде приземистых шатров, а если криволинейные – то небольшие по величине, сочетавшиеся с ярусной структурой основания.

И.Э. Грабарь видел в форме куба комбинацию бочки и шатра. М.В. Красовский полагал, что «форма куба настолько проста и так близка к луковичным главам и бочкам наших церквей, что легко могла зародиться на русской почве сама собой, без каких-либо посторонних влияний» [2, с. 273]. А.В. Ополонников появление куба связывал с общим поворотом русской эстетики XVII в. в сторону большей живописности и придерживался мнения М.В. Красовского о происхождении данной формы. В.П. Орфинский отмечал, что криволинейные формы покрытий естественным образом моделируются на основе более простых прямоскатных: «прямые рёбра невысоких четырёхгранных шатров изгибаются по килевидной кривой, и рождается новая форма покрытия – «куб». Изгибаясь по такой же кривой, двухскатные крыши превращаются в бочки...» [10, с. 52-53].

Кубоватые завершения ранее последней трети XVII в. не встречаются ни на каменных, ни на деревянных храмах. Единственным известным примером использования кубоватых покрытий в гражданской архитектуре является деревянный царский дворец в Коломенском, в комплекс которого входила завершавшаяся кубом столовая палата, построенная в 1681 г. Саввой Дементьевым, крепостным боярином И.П. Шереметьевым [5, с. 208]. В архитектуре коломенского дворца присутствовали определенные новации, связанные с европейскими влияниями, а именно: декоративная обработка фасадов, убранство интерьеров, стремление к упорядоченности и регулярности объемно-планировочной структуры [11, с. 28-29]. Вместе с тем, в компоновке разновеликих объёмов-клетей, разнообразии их завершений, устройстве крылец и переходов, очевидно, присутствуют приёмы, свойственные традиционному деревянному зодчеству.

Обращает на себя внимание упоминание о том, что столовая палата коломенского дворца возведена на месте старой повалуши. Так называли башни, обычно доминировавшие в комплексе хором. Повалуша хором Строгановых в Сольвычегодске XVI в., известных по

старинному рисунку, завершалась бочкой [5, с. 207]. Возможно, столь выразительное и композиционно значимое покрытие относительно невысокой столовой палаты 1681 г. появилось в результате повторения формы завершения предшествующей постройки.

Многие исследователи деревянного зодчества проводили параллель между кубоватыми церквями и хорами [6, с. 254]. В развитии хоромной и культовой архитектуры, несомненно, присутствовали одни и те же тенденции, выразившиеся в пластическом и декоративном усложнении завершений, что в целом соответствовало общей направленности в русском зодчестве второй половины XVII в. Церковные постройки в то время обильно насыщаются декоративными деталями, в том числе заимствованными и из гражданской архитектуры. И все же, кубоватые завершения, также как и бочки, представляли достаточно непривычную для церковного здания форму, и видимо, поэтому не получили широкого распространения, а стали одними из местных северорусских традиций.

Вопрос происхождения кубоватых церквей, по-видимому, надо рассматривать в контексте развития архитектурных традиций Поонежья. Характерной особенностью поонежских и поморских крещатых шатровых храмов в период до последней трети XVII в. было покрытие выступающих частей основания системой поставленных одна на другую бочек, сочетающееся с обработкой декоративными кокошниками (Никольская церковь Александро-Ошевенского монастыря середины XVI в. по иконописным изображениям XVII в. [12, с. 333-346], Вознесенская церковь 1654 г. в селе Пияла, Климентовская церковь 1501 г. или XVII в. в селе Уна [5, с. 93]). Устройство отдельных диагонально ориентированных кокошников в Поонежье и на побережье Онежской губы Белого моря нашло применение в архитектурном решении шатровых церквей с основанием в виде восьмерика на четверике (Никольская церковь 1618 г. в селе Пурнема, церковь Иоанна Златоуста 1665 г. в селе Саунино и другие). Видимо, в этот период в Поонежье уже существовали колокольни на высоком четверике, которые, как мы видим на примерах более поздних построек, также имели обработку кокошниками (в Александро-Ошевенском монастыре по изображениям XVII в., в деревнях Макарьинской начала XVIII в., Унежме 1792 г. и другие).

Так, в различных типах построек, благодаря единым приёмам архитектурно-декоративной обработки просматриваются общие стилистические черты. Основной отличительной особенностью деревянного культового зодчества Поонежья до последней трети XVII в. было широкое применение бочек и кокошников в качестве покрытий соподчинённых объёмов и деталей. Именно это и должно было послужить причиной появления здесь формы куба как церковного завершения. В дальнейшем (конец XVII-XVIII вв.) в деревянном зодчестве региона крупные архитектурные объёмы, наряду с кубами, покрываются бочками и трехлопастным бочками, тогда как детали и отдельные элементы, выполненные в виде бочек, напротив, исчезают. Преемственность развития поонежских архитектурных традиций в XVII-XVIII вв. видится в том, что использование мотива бочки в архитектурных деталях подготовило появление форм, образованных на основе бочки, и применение их в качестве завершений крупных архитектурных объёмов.

Важным подтверждением генетической связи куба и бочки служит упоминаемая Е.Б. Заручевской порядная запись на реконструкцию Пятницкой церкви в Шуерецком середины XVIII в., где куб назван «бочкой на четыре ската» [3, с. 158].

Одной из самых широко используемых форм в деревянном зодчестве были бочки, служившие основой для формирования самых разнообразных композиций [13, с. 49]. Производной от простой бочки является крещатая бочка. Она образуется путем пересечения двух бочек под прямым углом. Применение крещатых бочек в деревянном церковном строительстве достаточно широко и разнообразно, хотя в чистом виде крещатые бочки как церковные завершения встречаются редко. Обычно они включаются в более сложные ярусные структуры завершений.

Характер распространения бочек и крещатых бочек свидетельствует, что эта форма относится к московской (общерусской) традиции. Ареал их распространения включает главным образом бассейны рек Онеги и Северной Двины – основных торговых дорог Русского Севера, связывавших центр страны с Беломорьем. Различия в рассматриваемых архитектурных решениях, оценка их композиционной значимости в общей структуре храмов указывает на то, что бочки и крещатые бочки были привнесены на Север из центра страны.

Кроме того, не вызывает сомнения происхождение бочек от позакомарных покрытий. Бочка, по сути, повторяет форму цилиндрического свода с заостренным вверх ребром для предохранения от промокания [2, с. 93, 201]. Бочки северорусских деревянных храмов логично

сопоставляются с формами закомар с килевидными завершениями, составлявшими одну из характерных особенностей раннемосковского каменного зодчества.

Итак, кубоватые покрытия, как мы видим, одновременно использовались и в хоромном строительстве центральной России и в культовом зодчестве Онеги. Достоверно неизвестно, применялась ли форма куба в качестве церковного завершения в деревянном зодчестве среднерусских земель, но отсутствие подобных решений в других регионах страны (в отличие от клинчатых с полицами покрытий и бочек) склоняет к мысли, что нет. Особая устойчивость использования кубоватых покрытий в культовом зодчестве нижней Онеги в XVII-XIX вв. и различные изменения в архитектурных решениях кубоватых церквей на окраинах ареала указывают на то, что это местная традиция. Родственная связь куба и бочки и принадлежность последней к особенностям московской архитектуры позволяет рассматривать кубоватые покрытия как отголосок московских традиций.

Распространение кубоватых церквей именно на нижней Онеге логично объясняется большей удаленностью этого района от центра страны, по сравнению с районом верхней Онеги, для которого характерно использование бочек. На отдаленных территориях могли появляться соответственно и более вольные отступления от столичных образцов, известные формы могли использоваться по-новому, как это стало с кубоватыми покрытиями применительно к церковным завершениям.

Рис. 1. Никольская церковь 1678 г.
в д. Бережная Дуброва. Рис. автора

Рис. 2. Церковь Михаила Архангела 1715 г.
в с. Архангело. Рис. автора

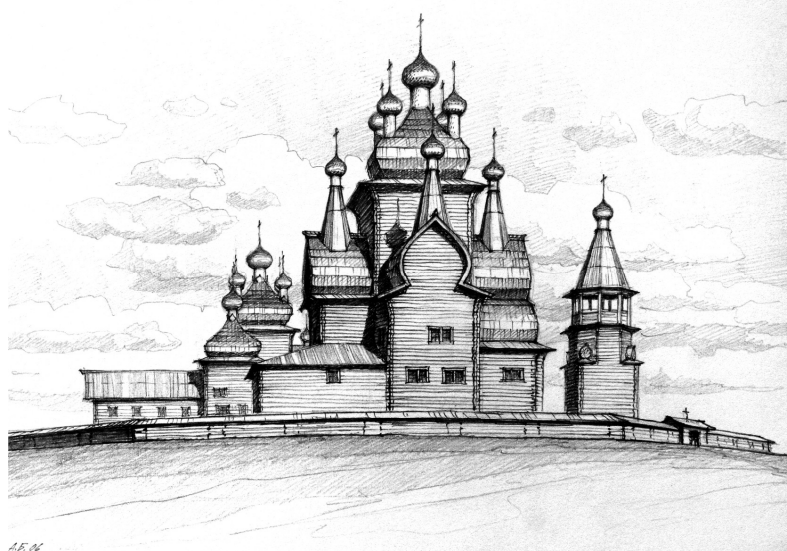

Рис. 3. Храмовый комплекс в с. Подпорожье. Впереди – Владимирская церковь 1757 г.,
на дальнем плане – Троицкая церковь 1727 г. Реконструкция автора

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Орфинский В.П. Храмостроительные школы в народном деревянном зодчестве Русского Севера // Локальные традиции в народной культуре русского Севера (Материалы IV Международной научной конференции «Рябининские чтения-2003»). – Петрозаводск: КНЦ РАН, 2003. – С. 396-400.
2. Красовский М.В. Энциклопедия русской архитектуры. Деревянное зодчество. – СПб.: «Сатисъ», 2002. – 384 с.
3. Заручевская Е.Б. Василий Корсаков и его храмы // Деревянное зодчество. Новые исследования и открытия. М. – СПб.: Издательский дом «Коло», 2010. – С. 147-163.
4. Ушаков Ю.С. Ансамбль в народном зодчестве Русского Севера. – Л.: Стройиздат, Ленинградское отделение, 1982. – 168 с.
5. Забелло С., Иванов В., Максимов П. Русское деревянное зодчество. – М.: Издательство Академии архитектуры СССР, 1942. – 216 с.
6. Ополовников А.В. Русское деревянное зодчество. Памятники шатрового типа. Памятники клетского типа и малые архитектурные формы. Памятники ярусного, кубоватого и многоглавого типа. – М.: Искусство, 1986. – 312 с.
7. Известия Императорской археологической комиссии. Выпуск 41. – СПб.: Типография Главного управления уделов, 1911. – 240 с.
8. Известия Императорской археологической комиссии. Выпуск 52. – Пг.: Типография Главного управления уделов, 1914. – 216 с.
9. Грабарь И.Э. История русского искусства. Т. 1. Деревянное зодчество. – М.: Кнебель, 1910. – 512 с.
10. Орфинский И.П. Путь длиною в шесть столетий. – Петрозаводск: Издательство ПГУ, 1972. – 120 с.
11. Бусева-Давыдова И.Л. К интерпретации идейного замысла Коломенского дворца // Архитектура мира. Выпуск 2. – М.: Стройиздат, 1993. – С. 28-32.
12. Мильчик М.И. Северный деревянный монастырь на иконах XVII-XIX вв. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1978. – Л.: Наука, 1979. – С. 333-346.
13. Орфинский В.П., Гришина И.Е. Типология деревянного культового зодчества Русского Севера. – Петрозаводск: Издательство ПГУ, 2004. – 280 с.

REFERENCES

1. Orfinskiy V.P. Temples construction schools in folk wooden architecture of the Russian North // Local traditions in folk culture of the Russian North (Materials of IV International scientific conference «Ryabininskie chtenia – 2003»). – Petrozavodsk: KNC RAN, 2003. – P. 396-400.
2. Krasovsky M.V. Encyclopedia of Russian architecture. Wooden architecture. – SPb.: «Satis», 2002. – 384 p.
3. Zaruchevskaya E.B. Vasilii Korsakov and his temples // Wooden architecture. New researches and discoveries. M. – SPb.: Izdatelskii dom «Kolo», 2010. – P. 147-163.
4. Ushakov Y.S. Ensemble in folk architecture of the Russian North. – L.: Stroiizdat, Leningradskoe otделение, 1982. – 168 p.
5. Zabello S., Ivanov V., Maksimov P. Russian wooden architecture. – M.: Izdatelstvo Akademii arhitekturui USSR, 1942. – 216 p.
6. Opolovnicov A.V. Russian wooden architecture. Monuments of hipped roof type. Monuments of «klets» type and small architectural form. Monuments of level, cube and many headed type. – M.: Iskustvo, 1986. – 312 p.
7. News of Imperial archaeological commission. Issue 41. – SPb.: Tipografia Glavnogo upravleniya udelov, 1911. – 240 p.
8. News of Imperial archaeological commission. Issue 52. – Pg.: Tipografia Glavnogo upravleniya udelov, 1914. – 216 p.
9. Grabar I.E. History of Russian art. Wooden architecture. – M.: Knebel, 1910. – 512 p.
10. Orfinskiy V.P. Way along six centuries. – Petrozavodsk: Izdatelstvo PGU, 1972. – 120 p.
11. Buseva-Davidova I.L. The interpretation of idea concept of Kolomenskoe palace // Architecture of the world. Issue 2. – M.: Stroiizdat, 1993. – P. 28-32.
12. Milchik M.I. Northern wooden monastery on the icons of XVII-XIX century // Monuments of culture. New discoveries, 1978. – L.: Nauka, 1979. – P. 333-346.
13. Orfinskiy V.P. Grishina I.E. Typology of wooden cult architecture of the Russian North. – Petrozavodsk: Izdatelstvo PGU, 2004. – 280 p.